

Завоевание Руси Батыем

Владимир Кучкин

The conquest of Russia by Batu

Vladimir Kuchkin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870010767-4

Решение о походе на русские, польские и венгерские земли, а также в Центральную Азию, против Китая и не поддававшейся в течение многих лет монголам Кореи было принято на курултае наследников Чингиз-хана, состоявшемся в конце 1235 г. в Талан-дабэ. Поход возглавил старший из живших сыновей Джучи, первенца Чингиз-хана, Бату (Батый русских источников). Вместе с ним великий хан Угэдэй отправил на запад своего старшего сына Гуюка, другого сына Кадана, своего брата Кулькана, племянников Менгу-хана, Бучека, Бури и Байдара, братьев Бату Орду, Шибана и Тангута — всего 11 чингизидов¹. В поход отправились и некоторые крупные военачальники, самым известным из которых был Субэдэй-багатур. В феврале—марте 1236 г. монгольская конница двинулась на запад. Численность Батыевой армии по средневековым меркам была огромной.

Правда, в ряде исторических и литературных сочинений отечественных авторов конца XX в. высказывалась мысль, что монгольские ханы под водительством Батыя сумели завоевать русские княжества, имея всего лишь 4—6 тыс. войска. Подсчёты эти основывались на известии персидского историка Фазлаллаха ибн Абу-л-Хейра Рашид-ад-Дина, согласно которому удел отца Батыя, Джучи-хана, населяли всего 4 тыс. семей. Поскольку у Джучи было 14 сыновей, а Батый являлся вторым из них, путём разного рода логических умозаключений и выводилась численность войск Батыя (и ещё десяти чингизидов) в их походе на страны Восточной и Центральной Европы². Однако Рашид-ад-Дин работал над своим трудом в начале XIV в. и мог не всегда точно передавать сведения столетней давности. Кроме того, из рассказа Рашид-ад-Дина не вполне ясно, когда Джучи получил удел, с которого можно было собрать 4 тыс. воинов. Похоже, что речь идёт о владениях Джучи, данных ему отцом ещё до образования собственно Монгольского государства, т.е. до 1206 г.

Более достоверными и показательными являются другие свидетельства о численности монгольских войск. Посланное в 1220 г. на запад Чингиз-ханом войско под командованием Субэдэй-багатура и Джебэ-нойона, опустошившее Северный Иран, государства и народы Кавказа, разгромившее половцев

© 2020 г. В.А. Кучкин

Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию многотомного академического труда «История России с древнейших времён до наших дней». Публикуется в целях апробации.

¹ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.; Л., 1941. С. 34.

² Там же. С. 33, 34, 41.

и нанёсшее поражение соединённому русско-половецкому войску в 1223 г. на р. Калке, состояло из 30 тыс. всадников³. Одиннадцать монгольских царевичей во главе с Батыем, двинувшиеся на запад в 1236 г., несомненно, должны были иметь в своём распоряжении более многочисленные силы. На это указывают цифры, приведённые тем же Рашид-ад-Дином. Рассказывая о движении армии Батыя на запад, он сообщил, что её авангард возглавил Шибан, под началом которого находились 10 тыс. воинов, а в распоряжении Менгу-хана и его брата Бучека их было более 20 тыс.⁴

Интересно одно европейское известие XIII в. В письме венгерского монаха Юлиана, адресованном епископу Перуджи (Италия), сообщается, что «татары утверждают также, будто у них такое множество бойцов, что его можно разделить на 40 частей, причём не найдётся мощи на земле, какая была бы в силах противостоять одной их части. Далее говорят, что в войске у них с собою 240 тысяч рабов не их закона и 135 тысяч отборнейших (воинов) их закона в строю. Далее говорят, что женщины их воинственны, как и они сами»⁵. Юлиан обращался к епископу Перуджи после того как побывал в Волжской Булгарии, покорённой монголами в 1236 г., и во Владимирском княжестве до нашествия Батыя, т.е. до начала 1238 г. Скорее всего, Юлиан посетил Булгарию и Владимир в 1237 г. Его послание епископу Перуджи сохранилось в трёх вариантах, и лишь один из них содержит приводимую цитату о численности монгольского войска. Цитата исторически достоверна в тех частях, где говорится о составе войск. В военных походах монголов принимали участие не только мужчины, но и женщины⁶, а в битвах участвовали воины покорённых монголами народов. Однако общая численность монгольского войска, завоевавшего Волжскую Булгарию и другие европейские государства, приведённая Юлианом, вызывает недоверие. Она составляет 375 тыс. человек и представляется преувеличенной. Возможно, что преувеличение носило пропагандистский характер: монголы стремились заранее запугать будущих противников, как делали они это не раз в отношении своих азиатских соседей. Но если говорить о 135 тыс. собственно монгольского войска, то такая цифра оказывается близкой к реальной. Приведённые выше сообщения Рашид-ад-Дина о подчинении Шибану 10 тыс. воинов, а Менгу-хану и Бучеку — более 20 тыс., перекликаются с европейским свидетельством о 10 тыс. воинов под командованием Орду, действовавших в Польше⁷. По-видимому, каждый из чингизидов, отправившихся в 1236 г. в поход на запад, имел под своим командованием 10 тыс. всадников. Поскольку чингизидов было 11, общее число их войска должно составлять 110 тыс. человек. Но имелась ещё и конница известных полководцев, а это приближало численность всей монгольской армии к цифре, названной Юлианом, — 135 тыс. человек. Ни одно русское княжество не в состоянии было выставить такого войска. Следует напомнить, что в 1223 г. киевский князь Мстислав Романович, самый могущественный из русских князей, отправился на Калку с войском в

³ Петрушевский И.П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219—1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 117.

⁴ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. II. С. 35—36.

⁵ Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. III. М.; Л., 1940. С. 72, 90, примеч. I.

⁶ Описание действий на войне монгольских женщин оставил Фома Сплитский (Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. М., 1997. С. 110).

⁷ Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. М., 2002. С. 112.

10 тыс. человек. Монголы явно превосходили своих противников в живой военной силе.

Неверно думать, что князья многочисленных древнерусских княжеств (всего их было 19), часто занятые сведением счётов друг с другом, совершенно игнорировали надвигавшуюся с Востока угрозу и не предпринимали никаких превентивных дипломатических и военных мер. Разгром на р. Калке в 1223 г. монголами объединённого русско-половецкого войска, насчитывавшего в своём составе дружины 15 русских князей из Южной Руси, не прошёл для последних бесследно. Князьям стало понятно, что появился новый опасный противник и за его действиями нужно внимательно следить. Не случайно в летописании Владимирского княжества, ведшемся при дворе князя Юрия Всеволодовича, появляются записи от 1229 г. о победе монголов над саксинами и восточными половцами, жившими у р. Яика (современный Урал), от 1232 г. о зимовке монголов близ восточных границ Волжской Булгарии, о взятии в 1236 г. самого государства волжских булгар⁸. Внесение в летопись таких сведений свидетельствует о том, что в древнерусских княжествах следили за действиями монголов. Это подтверждает и упомянутый выше монах Юлиан. Он пишет в своём письме, что «князь суздальский (т.е. князь владимирский) Юрий Всеволодович, при дворе которого и велась летопись со сведениями о приближавшихся монголах. — В.К.) передал словесно через меня королю венгерскому, что татары днём и ночью совещаются, как бы придти и захватить королевство венгров-христиан. Ибо у них, говорят, есть намерение идти на завоевание Рима и дальнейшего. Поэтому он (хан) отправил послов к королю венгерскому. Проезжая через землю Суздальскую, они были захвачены князем суздальским, а письмо, посланное королю венгерскому, он у них взял; самих послов даже я видел со спутниками, мне данными»⁹. Таким образом, русские правители заранее знали о приближении монголов, догадывались об их завоевательных планах и, конечно, должны были в той или иной мере готовиться к обороне.

Как именно проходило завоевание монголами русских княжеств, описано во многих источниках — как азиатских¹⁰, так и европейских¹¹. Наиболее подробные рассказы о нападении на русские земли войск Батыя и его полководцев сохранились в составе древнерусских летописей. Из них необходимо выделить три древнейшие: Новгородскую I старшего и младшего изводов, Лаврентьевскую и Ипатьевскую летописи. В каждой из них читается довольно ранний и оригинальный рассказ о вторжении Батыя. Тем не менее любой из этих рассказов обнаруживает признаки более поздних литературных обработок, сокращений, дополнений и редактирований, иногда приводящих к искажениям и ошибкам, без выявления и учёта которых нельзя напрямую опираться на приводимые в этих рассказах сведения. Так, южная Галичско-Волынская летопись, входящая в состав Ипатьевской, рассказывает о событиях монгольского завоевания Руси в статьях 6745, 6746 и 6748 гг. Датировка начала вторжения мон-

⁸ ПСРЛ. Т. I. Л., 1926—1928. Стб. 453, 459, 460.

⁹ Аннинский С.А. Указ. соч. С. 88. Относительно монгольских послов следует иметь в виду, что их миссия была обычным приёмом завоевателей, сначала проводивших дипломатическую разведку, а затем обрушивавшихся на противную сторону.

¹⁰ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. II. С. 15, 21—23, 33—37, 145.

¹¹ Магистр Рогерий. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами. СПб., 2012. С. 26, 29; Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. С. 96, 106.

гольских войск на русские земли (6745 год) в этой летописи правильна, хотя первоначально такой годовой даты в тексте памятника не было, о чём свидетельствует её отсутствие в другом списке Ипатьевской летописи — Хлебниковском¹². В статье 6748 г. при описании осады и взятия монголами Киева летописец среди военачальников Батия отметил Гуюка, который «вратися, оувѣдавъ смерть кановоу, и бысть каномъ»¹³. Гуюк был избран монгольским великим ханом в 1246 г.¹⁴ Следовательно, летописец, знавший об этом факте, составлял свою летопись после 1246 г. Кроме того, в статье 6746 г. Ипатьевской летописи помещено сообщение о дипломатических сношениях между черниговским князем Михаилом Всеволодовичем и владими́ро-волынским князем Даниилом Романовичем. Летописец записал, что «присла бо Михаилъ слы Данилоу и Василкоу, река: “Нынѣ же клятвою клену ти ся, яко николи же вражды с тобою не имамъ имѣти”»¹⁵. Летописный текст противоречив: сначала говорится о «слахе» (послах) Михаила к двум князьям-братьям, а затем речь идёт только об одном из них, которому приносит клятву в вечной дружбе Михаил. Историки давно подметили такое противоречие и выяснили, чем оно было вызвано. Оказывается, после смерти Даниила Романовича летописец его родного брата стал систематически подключать в летописи к имени Даниила имя своего сюзерена Василька Романовича, приписывая ему тем самым участие во всех деяниях и успехах первого русского короля. Даниил умер в 1264 г., Василько — в 1269 г.¹⁶ Следовательно, обработка известий о времени нашествия Батия велась в южнорусском летописании во второй половине 1260-х гг. В этой обработке нет ни одной более или менее точной даты, указаний на месяц, день недели или число события. Видимо, в основе описания монгольского завоевания в Ипатьевской летописи лежали поздние воспоминания разных людей, припоминавших отдельные эпизоды борьбы с Батием, но плохо связывавших их друг с другом. Поэтому после рассказа о взятии Рязани, битве при Коломне и захвате Владимира-на-Клязьме в Ипатьевской летописи в общей форме говорится о том, что Батием были пленены «грады соуждальские», а после этого — об осаде и взятии черниговского Козельска и утоплении в крови маленького козельского княжича Василия, без упоминания о захвате монголами Торжка и их походе на Новгород Великий. Красочно описано взятие Батием Киева, самоотверженное сопротивление врагу киевлян, но и здесь обнаруживаются следы логического несоответствия в общем повествовании: ещё до этого эмоционального рассказа сообщается о том, что, узнав о падении Киева, черниговский князь Михаил бежал из Руси в Польшу¹⁷.

Несогласованность в описании событий первых месяцев иноземного нашествия наблюдается и в другой древней летописи — Новгородской I. Она сообщает, что после гибели на р. Сити (правый приток р. Мологи, слева впадающей в Волгу) владимирского князя Юрия Всеволодовича монголы «взяша Москву, Переяславль, Юрьевъ, Дмитровъ, Волокъ, Тфѣрь»¹⁸. Порядок перечисления городов в этом отрывке явно непоследователен. Получается, что от р. Сити

¹² ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. Стб. 778, вар. 53—53.

¹³ Там же. Стб. 785.

¹⁴ *Тизенгаузен В.Г.* Указ. соч. Т. II. С. 280.

¹⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 783.

¹⁶ *Donskoï D.* Genealogie des Rurikides. Rennes, 1991. P. 170, 171.

¹⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 783—784.

¹⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ).

монголы повернули на юг, захватили Москву, затем пошли на северо-восток, где взяли Переяславль, далее свернули на юго-восток к Юрьеву, а потом отправились в противоположную сторону, на запад к Дмитрову и Волоку Ламскому, чтобы от последнего идти на север к Твери, которая была гораздо ближе к р. Сити, чем Москва. Видимо, список захваченных монголами городов был составлен уже в послемонгольское время и не отражает истинного маршрута похода Батые по землям княжеств Северо-Восточной Руси зимой—весной 1238 г. Согласно Новгородской I летописи битва русских с монголами у Коломны произошла до взятия Батыем Рязани. По Ипатьевской и Лаврентьевской летописям раньше была взята Рязань. Защитником Владимира-на-Клязьме по Новгородской I летописи выступает только Всеволод, старший сын владимирского князя Юрия Всеволодовича. Но как полководец или воин он в новгородском повествовании о Батиевом нашествии себя никак не проявляет. Новгородский летописец утверждает, что Всеволод, уклоняясь от военных действий, пытался укрыться от захватчиков во владимирском Успенском соборе, но сгорел там вместе с женой, матерью, епископом Митрофаном и другими людьми, надевавшимися спастись в храме. В Новгородской I летописи приведена пространная дата взятия монголами принадлежавшего Новгороду Торжка: «мѣсяца марта въ 5, на память святого мученика Никона, въ среду средохрестъную»¹⁹. Однако 5 марта не отмечается память мученика Никона, она празднуется 23 марта. Среда средокрестной недели (четвёртой недели Великого поста) приходилась в 1238 г. на 10 марта²⁰. 5 марта в 1238 г. было пятницей. Такая противоречивость хронологических указаний источника свидетельствует о нарушении его первоначального текста, возникшем, видимо, в результате поздней переработки. Эту переработку следует отнести к периоду после 1274 г.²¹ В то же время фраза составителя статьи 6746 г. Новгородской I летописи «много бо глаголють о немъ инии», заключающая рассказ о гибели владимирского князя Юрия Всеволодовича, свидетельствует о том, что новгородский сводчик собирал сведения от разных лиц о событиях монгольского завоевания и относился к устным повествованиям осторожно, стараясь передать наиболее достоверное.

Из трёх древнейших русских летописей самое большое по объёму повествование о Батиевом нашествии сохранила Лаврентьевская летопись 1377 г. В её основе лежал Тверской великокняжеский свод 1305 г., который, в свою очередь, использовал материалы ростовского и владимирского летописания второй половины XIII в. Как выяснили исследователи, после взятия в начале 1238 г. Владимира работа по ведению летописи в этом городе прекратилась. Она возобновилась только в 1281 г. Из опустошённого монголами Владимира летописание перекочевало в церковный центр Северо-Восточной Руси — Ростов. Произошло это не сразу после нашествия, а полтора десятка лет спустя, в начале 1250-х гг.²² Следовательно, и в Лаврентьевской летописи рассказ о нашествии Батые не принадлежит очевидцу события. Он не был написан по горячим следам, а составлялся и проходил обработку в епископском Ростове

¹⁹ Там же.

²⁰ Черепнин Л.В. Русская хронология. М., 1944. С. 60 и табл. XVI.

²¹ До 1274 г. новгородское летописание вёл пономарь Тимофей, современник Батыева нашествия (Гиппиус А.А. История сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 6(16). М., 2006. С. 11—12).

²² Насонов А.Н. История русского летописания XI — начала XVIII в. Очерки и исследования. М., 1969. С. 193, 195.

и княжеском Владимире спустя несколько десятилетий после 1238 г. Этими обстоятельствами и можно объяснить некоторые особенности данного повествования. Выясняется, что весьма значительная часть его текста представляет собой набор цитат из более ранних статей того летописного свода, куда было внесено описание монгольского нападения на Русь. В описание включались фрагменты текста из летописного рассказа о походе князя Игоря Рюриковича на Константинополь в 941 г., из статьи 1093 г. о нападении половцев на Киев, из статьи 1125 г. о смерти Владимира Мономаха, из статьи 1174 г. об убийении Андрея Боголюбского, из статьи 1185 г. о походе князя Игоря Святославича на половцев, из статей 1206 и 1218 гг., большие отрывки из статьи 1015 г. об убийении Бориса и Глеба, летописной статьи 1203 г. о взятии Киева князем Рюриком Ростиславичем, черниговскими Ольговичами и половцами, обильные цитаты из книг Священного Писания²³. В итоге повествование о вторжении монголов на Русь в Лаврентьевской летописи получилось эмоционально насыщенным, образным и ярким, но для историков превратилось в заминированное поле, где описание реальных событий 1238 г. смешалось с описанием фактов давно минувших времён. Даже крупнейшие исследователи истории Москвы И.Е. Забелин и М.Н. Тихомиров, ссылаясь на Лаврентьевскую летопись, утверждали, что к 1238 г. в городе и вокруг него уже существовали монастыри²⁴. Ведь летопись ясно указывала: взяв Москву, монголы «град и церкви святые огневи предаша, и монастыри вси и села пожгоша»²⁵. И только в 1969 г. было обнаружено, что приведённая фраза является цитатой из летописной статьи 941 г.²⁶

В Лаврентьевской летописи приведены даты прихода монгольских войск к Владимиру, начала его осады, взятия, а также гибели владимирского князя Юрия Всеволодовича на р. Сити. В принципе даты эти верны или близки к истинным, но иногда противоречат друг другу. Например, называя время подступа монголов к Владимиру, летопись сообщает, что это произошло «мѣсяца февраля въ 3, на память святого Семеона, во вторник прежде мясопуста за недѣлю»²⁷. Память Симеона Богоприимца отмечалась 3 февраля, здесь текст летописи точен. Однако далее говорится о дне недели — вторнике, тогда как 3 февраля в 1238 г. было средой мясопустной недели. Вторник в летописи также связывается с мясопустом, но уточняется, что он был прежде мясопуста «за недѣлю», т.е. на неделе, предшествовавшей мясопустной, что ведёт к 26 января, а не к 2 февраля 1238 г., как утверждается в многочисленных трудах. Согласно Лаврентьевской летописи, Владимир был взят в воскресный день 7 февраля 1238 г. Дата точна. 7 февраля в тот год действительно приходилось на воскресенье. Но добавлено, что 7 февраля отмечалась память Фёдора Стратилата, а это неверно: память названного святого празднуется 8 февраля. Такие и подобные им погрешности текста Лаврентьевской летописи объясняются вмешательством в этот текст в разное время редакторов, живших позднее Батыева нашествия, которые не были его очевидцами и допускали всякого рода мелкие фактические ошибки при изложении его истории. Всё это заставляет воспри-

²³ Прохоров Г.М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). Т. XXVIII. Л., 1974. С. 78—83.

²⁴ Забелин И.Е. Опыты изучения русских древностей. Ч. 2. М., 1873. С. 146—147; Тихомиров М.Н. Древняя Москва. М., 1947. С. 19.

²⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 461.

²⁶ Насонов А.Н. Указ. соч. С. 186, примеч. 28.

²⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 461.

нимать повествование Лаврентьевской летописи с большой осторожностью и проверять каждый сообщаемый ею факт. Впрочем, сказанное относится не к одной Лаврентьевской летописи, но и к двум другим древнейшим русским летописям, о которых говорилось выше.

После сделанных замечаний о степени достоверности различных ранних русских летописных описаний начала монгольского вторжения на Русь следует перейти к анализу того, как реально протекало завоевание монголами русских земель. Монголы вышли к границам Руси в первой половине декабря 1237 г. Первым их нападению подверглось Рязанское княжество, лежавшее на востоке древнерусских земель. Поскольку в предшествовавшем 1236 г. Батый сумел покорить государство волжских булгар, занимавшее относительно скромную территорию по левому берегу р. Волги от р. Камы на севере и до р. Черемшана на юге, а также по правому берегу р. Волги по среднему течению р. Свияги²⁸, современные составители многих исторических карт, особенно учебных, соединяют одной линией Булгарию с Рязанью (Старой), обозначая маршрут военного похода монголов на Русь и полагая при этом, что именно таким путём двигались с востока на древнерусские земли Батый и его полководцы. Однако на самом деле к Рязани они подошли с юга²⁹. Да и оказались на её границах спустя примерно 14—16 месяцев после разгрома Булгарии (Батый напал на неё после 3 августа 1236 г.). Следовательно, подготовка для нападения на Русь заняла у монголов более года, и, разбив Булгарию, они двинулись на запад не сразу, а после значительной передышки в степях, скорее всего, Нижнего Поволжья.

Остановившись у границ Рязанского княжества, монголы послали посольство к её князьям с требованием покорности и выплаты дани: «Просяче у них десятины во всемъ: и в людехъ, и въ князехъ, и въ конихъ»³⁰. Когда князья рязанские, а вместе с ними пронский и муромский ответили дружным отказом, монголы перешли границу. Первым крупным объектом их нападения стала столица княжества Рязань, стоявшая недалеко от впадения р. Прони в Оку. 16 декабря 1237 г. монголы подошли к городу, окружили его деревянными стенами для осады или поджога, и 21 декабря Рязань пала. Рязанский князь Юрий Ингваревич был убит. После захвата столицы княжества монголы разделились на две колонны и направили свои удары против других рязанских городов выше по рекам Проне и Оке. Был взят Пронск, а на Оке — Ростиславль. После этого, соединившись, монголы направились к Коломне³¹.

У Коломны в самом конце декабря 1237 г. или в начале января 1238 г. произошло большое сражение. К рязанскому князю Роману Ингваревичу и пронскому князю Александру Кир-Михайловичу присоединился старший сын владимирского князя Юрия Всеволодовича Всеволод с воеводой своего отца боярином Еремеем Глебовичем. Впервые монголам противостояли соединённые полки нескольких русских князей. Эти полки оказали упорное сопротивление завоевателям. Под стенами Коломны по свидетельству Рашид-ад-Дина

²⁸ Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и её территория. Казань, 1975. Карта археологических памятников Волжско-Камской Булгарии.

²⁹ Так можно говорить на основании упоминания в Новгородской I летописи местности или р. Воронажа (современного Воронежа), южного пограничного района Рязанского княжества (НПЛ. С. 74).

³⁰ НПЛ. С. 74.

³¹ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. II. М.; Л., 1960. С. 38. Упомянутый Рашид-ад-Дином город Ике (Ока) — это, скорее, Ростиславль, а не Коломна, стоявшая на р. Москве.

погиб один из предводителей Батыева войска — дядя Батый хан Кулькан³². Такое случалось крайне редко. Но монголы всё-таки взяли верх над русскими. Князь Роман Ингваревич и воевода Еремей Глебович были убиты, владимир-рязанская рать потерпела поражение, князья Всеволод Юрьевич и Александр Кир-Михайлович бежали с поля боя³³. Победа под Коломной не только завершала покорение монголами Рязанского княжества, она открывала им путь в княжества Северо-Восточной Руси. И Батый устремился к самому значительному городу этих княжеств — Владимиру. Впрочем, действовал он достаточно продуманно и осмотрительно. К западу от дороги с Коломны на Владимир лежала Москва. Она могла оказаться в тылу монголов при осаде ими Владимира и в нужное время прийти на помощь владимирцам. Поэтому, не доходя до Владимира, Батый решил уничтожить Москву. Монголы взяли город, убили московского воеводу Филиппа Нянка и пленили оказавшегося в Москве князя Владимира, младшего сына Юрия Всеволодовича Владимирского. Теперь дорога на Владимир стала для монголов безопасной, и они поспешили к главному городу Северо-Восточной Руси. Появление Батыя под стенами Владимира и взятие его Новгородская I и Лаврентьевская летописи хронологически связывают с мясопустом 1238 г. Мясопустная неделя-семидневка приходилась в названном году на 1—7 февраля, а мясопустная неделя-воскресенье — на 7 февраля. Лаврентьевская летопись сообщает, что Батый подошёл к Владимиру 2 или 3 февраля, 6 февраля в субботу (в 1238 г. 6 февраля действительно было субботой) монголы начали ставить на деревянных подпорках камнеметательные пороки против города, в ночь на 7 февраля соорудили по периметру оборонительных стен Владимира тын и в раннее утро воскресного дня 7 февраля начали штурм. К середине дня город был взят, разграблен и подожжён. Ещё до подхода Батыя правивший во Владимире князь Юрий Всеволодович покинул город и отправился на Волгу, чтобы там собрать войска. Возглавившие защиту города сыновья Юрия Всеволод и Мстислав погибли при штурме, их тела позднее обнаружили за городскими стенами. Мать, жёны и дети этих князей встретили смерть в подожжённом монголами Успенском соборе Владимира. Там же сгорели и местный епископ Митрофан, и много народа³⁴, полагавших, что церковь враги сжечь не посмеют.

Новгородская I летопись свидетельствует, что всё это произошло «в пяток преже мясопустныя недѣли»³⁵, т.е. 5 февраля 1238 г., если под летописной «неделей» понимать воскресенье. Такая дата будет противоречить указанию Лаврентьевской летописи на 7 февраля как на день падения Владимира. Если Новгородская I летопись содержит ошибку, то возникает естественный вопрос, чем она была вызвана. Не обозначил ли новгородский летописец по недоразумению этой датой, бывшей в его источнике и относившейся к иному событию, самый важный факт в истории завоевания Батыем Северо-Восточной Руси — падение её столицы? Ведь под «недѣлей» можно понимать и «неделю» в современном смысле слова, и тогда дата будет иной. Она будет обозначать пятницу перед мясопустной неделей, т.е. 29 января 1238 г. Следует заметить, что в Лаврентьевской летописи имеется и до сих пор ясно не истолкованное хронологическое указание: монголы обступили Владимир «преже мясопуста за недѣлю»,

³² Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. II. С. 36.

³³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 460; Т. II. Стб. 779; НПЛ. С. 75.

³⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 463, 464.

³⁵ НПЛ. С. 75.

т.е., учитывая двойное значение последнего слова, 25 января или 31 января 1238 г. В таком случае надо признать, что осада и взятие Владимира продолжались не два дня, как говорит та же Лаврентьевская летопись, а примерно одну или даже две недели³⁶. Если же принимать на веру все вроде бы достоверные хронологические свидетельства Лаврентьевской летописи, то получается, что приблизительно за шесть недель (с 22 декабря 1237 г. по 2(3) февраля 1238 г.) монголы сумели взять четыре русских города: Рязань, Пронск, Коломну и Москву, а за 2 дня — Владимир, хотя этот столичный город занимал площадь в 130—145 га и имел четыре укрепленные части³⁷. Похоже, осада Владимира войсками Батыя длилась дольше, чем повествует Лаврентьевская летопись, ведь разбив станы у Владимира, монголы до его взятия сумели захватить Суздаль, разграбив тамошние соборную церковь, монастыри и предав огню княжеский двор и древний Дмитриевский монастырь³⁸. На это необходимо было время.

Падение Владимира открыло монголам пути к другим городам Северо-Восточной Руси. Лаврентьевская летопись сообщает, что после взятия Владимира монголы «поидоша на великого князя Георгия оканнии ти кровопиини, и ови идоша к Ростову, а ини къ Ярославлю, и ини на Волгу на Городецъ, и ти плѣниша все по Волзѣ, доже и до Галича Мерьскаго. А ини идоша на Переяславль, и тѣ взяша, и оттолѣ всю ту страну и грады многы все то плѣниша, доже и до Торжку. И нѣсть мѣста, ни вси, ни сель тацѣхъ рѣдко, идеже не воеваша на Суждальской земли»³⁹. Из этого сообщения вытекает, что после 7 февраля 1238 г. часть монгольского войска направилась на север к Ростову и Ярославлю, часть — на восток к волжскому Городцу, ещё одна часть — к Волге и заволжскому Галичу Мерскому, другая часть — на северо-запад к Переяславлю и далее на запад к Торжку. Особое войско преследовало владимирского князя Юрия. Русские свидетельства подтверждают, таким образом, данные Рашид-ад-Дина о действиях Батыя и его сподвижников «облавой»⁴⁰, т.е. нападениями в разных направлениях. При этом посылка, например, конницы к Городцу Волжскому означала её возвращение к месту отправки лишь к концу февраля, поскольку путь из Владимира до Городца занимал не менее девяти дней⁴¹. Более длинной была дорога от Владимира до Галича Мерского. По прямой она равнялась примерно 280 км и преодолевалась за 12—13 дней. Расстояние от Владимира до Торжка по прямой составляет около 330 км. Такое расстояние можно пройти примерно за 2 недели⁴². Как свидетельствует Новгородская I летопись, монголы «оступиша Торжекъ на Сборъ чистой недѣли»⁴³, т.е. незадолго до 21 февраля, что подтверждает правильность приведённых предварительных расчётов и свидетельствует о выступлении одной из группировок монгольских войск на запад

³⁶ Рашид-ад-Дин сообщает, что Владимир был взят монголами после восьми дней осады (*Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. Т. II. С. 39).

³⁷ Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 56, 90, 125 (рис. 2).

³⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 462.

³⁹ Там же. Стб. 464.

⁴⁰ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. II. С. 37; *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. Т. II. С. 39.

⁴¹ Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 178—179.

⁴² В.Л. Янин считал, что между Владимиром и Торжком было 360—400 км, но монголы преодолевали такое расстояние за две недели (*Янин В.Л.* К хронологии и топографии ордынского похода на Новгород в 1238 г. // *Янин В.Л.* Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 206).

⁴³ НПЛ. С. 76.

сразу после взятия Владимира. Согласно дальнейшему рассказу Новгородской I летописи, монголы Торжок «отыниша тыномъ весь около, якоже инии гради имаху; и биаша ту оканнии пороки по двѣ недѣли», после чего новоторжцы вынуждены были сдаться. Монголы ограбили город, а жителей перебили. Это случилось 5 марта 1238 г.⁴⁴

Далее новгородский источник сообщает, что после взятия Торжка монголы устремились на Новгород «Серегѣрьскимъ путемъ», а не кратчайшим путём по р. Тверце до её верховьев, а далее по р. Мсте до впадения её в оз. Ильмень. Дорога к Новгороду через верхневолжские озёра, главным из которых являлось оз. Селигер, была более протяжённой, но и более удобной. Она проходила по возвышенным и заселённым местам, а не по топким, болотистым и малонаселённым, как по Тверце и Мсте. К тому же «Серегерский путь» выводил в южные районы Новгородской земли, через которые обязательно должны были проследовать полки из расположенных южнее русских княжеств, если бы последние решились прийти на помощь Новгороду. Таким образом, рейд монгольской конницы на северо-запад от Торжка имел стратегической целью военную изоляцию Новгорода, создание препятствия возможному подходу к Новгороду войск его южных соседей: Полоцкого, Смоленского и более отдалённых Владимиро-Волынского и Киевского княжеств.

Но даже на избранном монголами пути они столкнулись с массой людей, военной угрозы, однако, не представлявших. То были беженцы, стремившиеся после падения Торжка укрыться от завоевателей в других местах обширной Новгородской земли. Имущество этих беглецов, взявших с собой самое необходимое и ценное из того, что у них имелось, представляло явный интерес для захватчиков, ведь главный смысл их военных походов заключался не столько во властвовании, расширении управляемой территории, сколько в обогащении⁴⁵. Монголы гнали несчастных «оли до Игнача креста, а все люди съкуще акы траву, за 100 версть до Новагорода»⁴⁶. Местоположение Игнача креста определил В.Л. Янин. Крест стоял у оз. Глухое, между деревнями Соменка и Полометь и между реками Полометью и Ерыньей⁴⁷, к юго-востоку от оз. Ильмень. 100 вёрст до Новгорода — это район южнее Русы (современной Старой Руссы), крепости, защищавшей Новгород с юга⁴⁸. Достигнуть из Торжка района Игнача креста монголы могли примерно за десять дней (220 км по прямой), около 15 марта. До Новгорода оставалось 4—5 дней пути.

Однако у Игнача креста монгольские полководцы повернули назад. Такое решение не было неожиданным, каковым его считают многие историки, полагая, что монголам пришлось столкнуться с нехваткой продовольствия и начавшейся распутицей. Но никакие источники не говорят о том, что монголы и их конница страдали от голода или даже от недоедания во время похода против государств Восточной и Центральной Европы в 1236—1242 гг. Европейские

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Фома Сплитский отмечал, что монголы «завоёвывают мир не из жадности власти, а из страсти к наживе» (Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. С. 105).

⁴⁶ НПЛ. С. 76. Красочно отразил сходную ситуацию и Фома Сплитский. Повествуя о бегстве венгров по разным дорогам после поражения от монголов на р. Шайо 11 апреля 1241 г., он писал: «Как осенние листья, они (венгры. — В.К.) падали направо и налево; по всему пути валялись тела несчастных, стремительным потоком лилась кровь; бедная родина, обогрённая кровью своих сынов, аела от края и до края» (Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. С. 109).

⁴⁷ Янин В.Л. К хронологии и топографии ордынского похода... С. 211.

⁴⁸ НПЛ. С. 32.

исследователи, называя голод причиной отказа монголов от наступления на Новгород, забывают о том, что монголы по сравнению с европейцами представляли в XIII в. совсем иную цивилизацию, по-другому поддерживавшую своё существование, иначе ведшую хозяйство, имевшую совсем другие представления о войне и мире, чем европейцы. Один из современников Батыева нашествия так описывал быт завоевателей: «Люди почти не заботятся о запасах еды, кормясь исключительно грабежами. К хлебу они испытывают отвращение и употребляют в пищу без разбора мясо чистых и нечистых животных и пьют кислое молоко с конской кровью». А вот описание главного объекта их хозяйственной деятельности: «Лошади у них малорослые, но сильные, легко переносящие голод и трудности, ездят они на них верхом на крестьянский манер; по скалам и камням они передвигаются без железных подков, как дикие козы. А после трёхдневной непрерывной работы они довольствуются скромным кормом из соломы»⁴⁹. Если процитированные здесь наблюдения Фомы Сплитского дополнить указанием на то, что монгольские лошади в зимнее время кормили себя сами, разрыхля копытами снег и питаясь замёрзшей травой, станет очевидным, что ни в каком фураже конница Батыева не нуждалась и от голода погибнуть не могла. Поэтому мнение о влиянии голода на поведение монголов, в марте 1238 г. прервавших свой поход на Новгород, нельзя признать основательным.

Что касается весеннего паводка, то он наступал в новгородских землях в XX в. между 30 марта и 5 апреля (17—24 марта по старому стилю), но в более раннем XIX в. — в середине—конце апреля и продолжался до конца июня⁵⁰. Если монголы оказались у Игнача креста около 15 марта, в их распоряжении оставался примерно месяц, чтобы дойти до Новгорода и попытаться взять его до распутицы. Но для успешной осады Новгорода монголам необходимо было обезопасить себя от нападений из городов, подчинявшихся Новгороду. Одним из таких городов являлась Руса, располагавшаяся близ того пути, по которому монголы дошли до Игнача креста. На осаду и взятие Русы надо было затратить 8—9 дней (средняя цифра, учитывающая время осад Рязани, Владимира и Торжка). Прибавляя к ним 5—6 дней на дорогу Игнач крест — Руса — Новгород, следует считать, что к осаде Новгорода монголы могли приступить уже в конце марта 1238 г. Можно допустить, что к 10 апреля Новгород был бы взят, а монголы начали бы отступление и через неделю оказались в районе верхневолжских озёр. Но здесь началась бы распутица, и тогда монгольское войско, лишённое провианта, через 10—15 дней неминуемо погибло бы. Взятие Новгорода ничего не давало монголам. Это не внезапное решение, а трезвый и точный расчёт предводителей монгольских войск, и не дойдя до Новгорода 100 вёрст, чингизиды повернули конницу вспять. Эта группировка монголов могла покинуть пределы Новгородской земли и северо-восточных княжеств не ранее конца марта или начала апреля 1238 г.

Действовавшая параллельно с этой группировкой другая часть монгольского войска была послана Батыем для обнаружения, разгрома и поимки владимирского князя Юрия Всеволодовича. Рассказ о гибели этого князя есть во всех трёх древнейших летописных повествованиях о начале завоевания Руси Батыем. Но если в Ипатьевской летописи говорится, что Юрий после победы монголов под Коломной оставил Владимир «и совокупляюще ему около себе

⁴⁹ *Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита. С. 114.

⁵⁰ *Янин В.Л.* К хронологии и топографии ордынского похода... С. 212.

вои и не имѣюще сторожи, изъѣханъ бысть безаконнымъ Бурондаемъ, весь городъ изогна и самого князя Юрья убиша», а монголы, осаждая Владимир, издевательски вопрошали осаждённых ими горожан: «Гдѣ суть князи Рязань-стии, ваш градъ и князь вашъ великии Юрьи? Не рука ли наша емша и смерти преда?», указывая тем самым на гибель Юрия ещё до падения Владимира, то в Лаврентьевской летописи последние дни владимирского князя описаны по-иному. Согласно этому источнику, не оборонявшиеся владимирцы узнали от монголов о смерти Юрия, а верные Юрию люди известили своего князя о взятии Батыем Владимира, добавив, что монголы «к тобѣ идут»⁵¹. После этого та же летопись сообщает, что «поидоша безбожнии Татарове на Сить противу великому князю Гюргю»⁵². Юрий, по изложению Лаврентьевской летописи, пережил падение своей столицы. Но пережить вторжение монголов ему не посчастливилось. Узнав, что его лагерь на р. Сити обнаружен монголами, он вместе с братом, стародубским князем Святославом, и с племянниками Константиновичами: Васильком Ростовским, Всеволодом Ярославским и Владимиром Угличским, «поидоша противу поганымъ». «И сступишася обои, — продолжает далее Лаврентьевская летопись, — и побѣгоша наши пред иноплеменники, и ту оубѣнь бысть князь Юрьи, а Василка яша руками безбожнии и поведоша в станы своѣ». Погиб Юрий Всеволодович 4 марта 1238 г.⁵³ Что произошло с его братом Святославом, племянниками Всеволодом и Владимиром Константиновичами, Лаврентьевская летопись не сообщает. Не объясняет она и того, как и почему князь Юрий Всеволодович оказался на р. Сити. Ведь для этого Юрию пришлось переправляться на левый берег Волги и останавливаться на самом краю владений суздальских Рюриковичей с Новгородской республикой, почему-то предпочтя остановку на р. Сити отступлению в укреплённый Новгород.

Ситуация проясняется при обращении к Новгородской I летописи. Следует напомнить, что создававший в XIII в. источник этой летописи пономарь Тимофей специально интересовался судьбой Юрия Всеволодовича и расспрашивал о нём многих людей, что неудивительно. После боя на р. Сити многие воины Юрия, скорее всего, бежали в лежавшие рядом новгородские земли и вскоре оказались в самом Новгороде. Именно от них местный летописец мог узнать разные подробности о князе Юрии (как реальные, так и вымышленные — «много бо глаголють о немъ инии») и попытаться нарисовать действительную картину случившегося. Согласно рассказу, сохранившемуся в Новгородской I летописи, Юрий из Владимира сразу «бѣжа на Ярославль»⁵⁴, а не сначала в Ростов, а затем в Ярославль, как говорит Лаврентьевская летопись. Монголы, взяв Владимир, немедленно направили часть своих сил на Ярославль за Юрием («погнашася по Юрьи князи на Ярославль»). Узнав об этом, Юрий Всеволодович послал на разведку трёхтысячный отряд во главе с Дорожем. «И прибѣжа Дорожь, — продолжает Новгородская I летопись, — и рече: “А уже, княже, обошли нас около”. И нача князь полкъ ставити около себе, и се внезапу Татарове приспѣша; князь же не успѣвъ ничтоже, побѣже; и бы на рѣцѣ Сити, и постигоша и, и животь свои сконча ту. Богъ же вѣсть, како скончася»⁵⁵. Выясняется, что Юрий Владимирский был окружён монголами где-то в районе Ярос-

⁵¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 464.

⁵² Там же. Стб. 465.

⁵³ Там же.

⁵⁴ НПЛ. С. 75.

⁵⁵ Там же. С. 76.

лавля, попробовал приготовиться к сопротивлению, но был внезапно атакован и бежал с места боя, судя по всему, к Новгороду. На р. Сити он был настигнут монголами и убит. Это новгородское описание более походит на историческую реальность, чем рассказ Лаврентьевской летописи. Князь Юрий Всеволодович показан здесь как правитель, решающий разные военные вопросы, но не сражающийся на поле брани. И здесь уместно вспомнить кое-что из его предыдущей жизни. До Липицкой битвы 1216 г. Юрий ходил в походы и участвовал в боях. Так было в 1207 г., когда отец Юрия Всеволод Большое Гнездо вместе с сыновьями воевал с рязанскими князьями; в 1208 г., когда Юрий разбил двух рязанских князей на московской территории; в 1213 г., когда Юрий спорил с братом Константином за верховенство во Владимирской земле. Но разгром на Липицком поле в 1216 г., когда Юрий бежал с места сражения в нижней сорочке и, издушив трёх коней, на четвёртом внёсся в спасительный Владимир, видимо, произвёл на князя тяжёлое впечатление. После 1216 г. Юрий вёл войны, готовил походы, даже участвовал в них, но никогда не принимал участия в боевых действиях, посылая на них своих братьев и племянников. Так было в 1220 г. в войне с Волжской Булгарией, в 1226, 1228, 1229, 1232/33 гг., когда Юрий организовал походы против подчинявшихся булгарам мордовских племён⁵⁶; в 1232 г. при нападении на черниговские Серенск и Мосальск и даже в 1237/38 г., когда не Юрий, а его старший сын Всеволод сражался с монголами у Коломны. Лаврентьевская летопись подчёркивает, что Юрий погиб в битве с монголами на р. Сити, она говорит об этом дважды, стремясь показать воинскую доблесть владимирского правителя. Но она же сообщает об отсечении головы у князя, а это могло произойти, когда Юрий был пленён или сдался сам. Похоже, что его судьба была такой же, как участь Василька Ростовского, только казнь произошла раньше. Смерть Юрия означала, что главные цели монголов, вторгшихся в княжества Северо-Восточной Руси, были достигнуты, и Батый повернул войска на юг.

Двигаясь в южные степи, Батый воспользовался дорогой, которой суздальские князья в XII в. ездили в Чернигов, Переяславль Русский и Киев. На этой дороге стоял черниговский город Козельск, и Батый, чтобы сделать путь безопасным, осадил его. Жители города оказали упорное сопротивление захватчикам⁵⁷. Когда стало не хватать боевого оружия, они начали резаться с монголами на ножах, убили трёх сыновей сотников, много рядовых монгольских воинов, но силы были неравны. Батый получил подкрепления, занял город и устроил кровавую расправу с оставшимися в живых козельчанами, не пожалев даже детей-пелёночников. Не избежал злой участи и малолетний княжич Василий, правивший в Козельске⁵⁸. Но обо всём этом в древнерусских княжествах Волго-Окского междуречья уже не знали. Связь с владениями других Рюриковичей была потеряна, новая информация не поступала, и местный летописец в рассказе о событиях 1238 г. отметил: «было мирно».

Явный недостаток информации позволяет современным исследователям лишь фрагментарно восстанавливать дальнейшие действия завоевателей. В 1239 г. первой акцией монголов стал захват Переяславля Русского. Строев-

⁵⁶ Кучкин В.А. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Н. Новгород, 2011. С. 56—60.

⁵⁷ Рашид-ад-Дин сообщает, что Батый осаждал Козельск в течение более двух месяцев (*Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. II. С. 39*).

⁵⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 778—779.

ский список Псковской III летописи сохранил известие, согласно которому на следующее лето после взятия монголами Рязани и Владимира «Переславль Руский взятъ бысть в средокрестная недели в четверг, месяца марта 3»⁵⁹. В 1239 г. пасха приходилась на 27 марта, а средокрестная неделя (семидневка) — на 28 февраля — 6 марта. Следовательно, 3 марта 1239 г. действительно было четвергом средокрестной недели. Несмотря на то что запись дошла в поздней летописи и касается совсем не псковских событий, её надо признать достоверной и восходящей к южнорусскому источнику, поскольку в Псковской III летописи отмечено, что Переяславль был взят «на лѣто», т.е. накануне лета. В древнерусских «верхних» (северных) княжествах и землях 3 марта преддверием лета никогда не считалось. Преддверием лета начало марта могло быть только в южных областях.

Лаврентьевская летопись, не давая точной даты падения Переяславля, сообщает, что монголы «епископа оубиша и люди избиша, а град пожьгоша огнем и люди и полона много вземше, отидоша»⁶⁰. Несколько конкретных штрихов добавляет к этой картине Ипатьевская летопись: штурмом взяв Переяславль, монголы его «изби всь, и церковь архангела Михаила скроуши, и сосоуды церковьныя бесчисленныя златыя и драгаго каменя взять, и епископа преподобнаго Семеона оубиша»⁶¹. Взятие Переяславля, окружённого городами-крепостями, означало, образно говоря, уничтожение замка на тех воротах, о которых примерно полувеком ранее писал автор «Слова о полку Игореве», призывая, умоляя и требуя обороны от половцев: «Загородите полю ворота!». Теперь эти ворота оказались распахнутыми настежь. Путь к другим южнорусским городам для кочевников был открыт.

Однако для завоевания второго крупного южнорусского города Батюю потребовалось более полугода. Этим городом стал Чернигов. Точная дата его взятия сохранилась в том же Строевском списке Псковской III летописи: «Того же лѣта и Черниговъ взятъ бысть на осень, месяца октября 18, в вторникъ»⁶². Дата события точная. 18 октября в 1239 г. было вторником. Подробности взятия Чернигова кратко описаны в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. Первая из них в статье 6747 г. сообщает, что «того же лѣта взяша Татарове Черниговъ, князи ихъ въѣхаша въ Оугры. А град пожегше, и люди избиша, и манастирь пограбиша. А епископа Перфурья пустиша в Глуховъ, а сами идоша в станы своѣ»⁶³. Ипатьевская летопись добавляет к этому описанию ряд подробностей: после захвата Переяславля Батый «посла на Черниговъ, обстоупиша град в силѣ тяжцѣ. Слышавъ же Мстиславъ Глѣбовичъ нападение на град иноплемьныхъ, приде на ны со всеми вои. Бившимся имъ, побѣженъ бысть Мстиславъ, и множество от вои его избѣенъ бысть. И градъ взяша и запалиша огньмъ, епископа оставиша жива и ведоша и во Глоуховъ»⁶⁴. Ипатьевская летопись не говорит о том, что черниговские князья — Михаил Всеволодович и его сын Ростислав — оставили свою столицу и бежали в Венгрию. Зато она сообщает о попытке защитить Чернигов рыльского князя Мстислава Глебовича, противника Михаила. Попытка не удалась. Многочисленное войско рыльского князя

⁵⁹ Псковские летописи. Вып. II. М., 1955. С. 79.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 469.

⁶¹ Там же. Т. II. Стб. 781—782.

⁶² Псковские летописи. Вып. II. С. 79.

⁶³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 469.

⁶⁴ Там же. Т. II. Стб. 782.

было разгромлено. Сам Мстислав Глебович, вероятно, попал в плен и позднее (в 1241 г.) был казнён монголами⁶⁵. В конце же 1239 г. («на зиму») монголы взяли и сожгли Муром, вновь воевали по р. Клязьме и пожгли Гороховец⁶⁶.

Несколько месяцев ушло у чингизидов на подготовку осады Киева. Лаврентьевская летопись сообщает, что Киев был взят монголами 6 декабря 1240 г.⁶⁷ Эта дата принята подавляющим большинством исследователей, поскольку она приведена в очень авторитетном источнике. Но Н.Г. Бережков, специально исследуя хронологию Лаврентьевской летописи, обратил внимание и на другое свидетельство о времени падения Киева. Оно заключалось в упомянутом ранее Строевском списке Псковской III летописи: «приидоша Татарове к Киеву [сентября 5] и стояше под Киевом 10 нед[ель] и 4 дня и едва в[з]яша и, ноября в 19 в понедельник»⁶⁸. Анализируя обе даты — 6 декабря и 19 ноября, Бережков приходил к заключению, что «нет достаточно убедительных данных для того, чтобы безоговорочно принять одну из этих двух дат и отвести другую», хотя признавал, что все хронологические элементы записи о падении Киева 19 ноября 1240 г. согласованы друг с другом⁶⁹.

Действительно, 19 ноября 1240 г. приходилось на понедельник; время стояния монголов под Киевом, не считая дня подхода к городу 5 сентября и заключительного дня сдачи 19 ноября, будет равно десяти неделям и четырём дням — всего 74 дням. Полагать, что кто-то после 1240 г. придумал все эти цифры, чтобы неизвестно для чего исказить историю, невозможно. Бережков аргументом в пользу даты 6 декабря считал мнение М.С. Грушевского, согласно которому рассказ Ипатьевской летописи о падении Киева не производит впечатления, будто осада города была длительной⁷⁰. Тем не менее рассказ этот утверждает, что Батый «окружи градъ и остолпи... и бысть градъ во обдыержаньи велицѣ», а сооружение столбового ограждения вокруг Киева требовало немалого времени. Ипатьевская летопись сообщает также, что монголы из пороков, поставленных возле Лятских ворот, день и ночь били камнями по крепостным стенам города, сумели сделать пролом, но киевляне успели возвести новые оборонительные укрепления⁷¹. Всё это не говорит о скоротечности осады Киева. Внимания заслуживает не впечатление Грушевского, а свидетельство побывавшего в 1246 г. в Киеве монаха-францисканца Иоанна де Плано Карпини о длительной осаде Батыем Киева⁷².

Думается, окончательно вопрос решается сообщением современника событий 1240 г. магистра Рогерия о том, что «во время, близкое к Рождеству Господню, стало известно, что татары опустошают смежные с Русью границы Венгрии»⁷³. В XIII в. Рождество у католиков, как и у православных, отмечалось 25 декабря. Если Киев был взят 6 декабря 1240 г., то монголы не успевали до 25 декабря дойти до венгерских границ. Расстояние от Киева до этих границ составляло по прямой около 525 км, причём пройти эти километры надо было

⁶⁵ Там же. Т. I. Стб. 470; Т. XV. Вып. I. Пг., 1922. Стб. 30.

⁶⁶ Там же. Т. I. Стб. 470.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Псковские летописи. Вып. II. С. 81.

⁶⁹ *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 111.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 784—785.

⁷² *Иоанн де Плано Карпини.* История Монгалов. *Вильгельм де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. СПб., 1911. С. 25.

⁷³ *Магистр Рогерий.* Горстная песнь... С. 26.

с боями. Если Киев был взят 19 ноября 1240 г.⁷⁴, то монголы успевали это сделать. В таком случае дата 6 декабря, читающаяся в северо-восточном летописании, может расцениваться не как дата взятия Киева, а как время получения на Северо-Востоке известия о его падении. Судя по содержанию записи в Лаврентьевской летописи, где сначала говорится о разграблении победителями в Киеве Софийского собора, монастырей и церквей, а затем о том, что они «люди от мала и до велика вся убиша мечем»⁷⁵, известие поступило на Северо-Восток по церковным каналам.

После описания взятия монголами Киева Ипатьевская летопись продолжает мартиролог древнерусских городов, попавших в руки завоевателей. Это Колодяжен, Каменец, Изяславль, Владимир Волынский и Галич⁷⁶. Кременец и Данилов Батюю взять не удалось. Географической последовательности захвата и прохождения этих городов соответствует и последовательность временная. Если Галич был последним в этой цепочке (далее монголы вторглись в Венгрию, а это произошло до 25 декабря 1240 г.), то к самому концу 1240 г. завоевание Батыем Руси было закончено. Из всех древнерусских княжеств только Смоленское, Туровское, Пинское, Витебское, Полоцкое княжества и большая часть территории Новгородской республики не испытали чужеземного нашествия. Все остальные древнерусские княжества были разгромлены и опустошены завоевателями.

Имеющиеся в русских летописях описания этих погромов и опустошений, хотя и сделаны спустя 15—40 лет после нашествия монголов, в 1250—1280-х гг., не могут быть заподозрены в искажениях и сгущении красок. Все русские летописи отметили, что когда при штурме Владимира на Клязьме монголы не смогли сразу ворваться в Успенский собор, где укрылся владимирский епископ Митрофан с княгинями и детьми, составлявшими большую семью князя Юрия Всеволодовича, захватчики обложили церковь лесом и подожгли. От удушья и огня скончались все, надеявшиеся обрести спасение в церкви. Галичский летописец записал, как после взятия Козельска, жители которого, не получая ни от кого помощи, отчаянно сопротивлялись монголам, но были разгромлены, Батый казнил всех оставшихся в живых, «не пощаждѣ от отрочать до сосоущих млеко»⁷⁷, т.е. умертвив даже малых детей. Сходно с приведённым и свидетельство новгородского летописца. После взятия Торжка, города, принадлежавшего Новгородской республике, монголы иссекли всех «от мужьска пола и до женьска, иереиский чин всь и черноризьскыи, а все изъобнажено и поругано, горкою смертью предаша душа своя господеву»⁷⁸. И это не выдумки тёмных русских монахов, за толстыми стенами келий дававших волю своим распалённым мыслям, как иногда утверждают современные поклонники Чингиз-хана и чингизидов. Это была действительность, превосходившая всякое воображение.

Вот что писал современник походов Чингиз-хана, один из видных мусульманских деятелей и учёных Конийского (Румского) султаната в Малой Азии

⁷⁴ Е.Л. Коняевская показала, что дата 19 ноября читается также в так называемой летописи Авраамки, т.е. в новгородском владычном своде конца 1460-х гг. Очевидно, она была известна много раньше составления Строевского списка Псковской III летописи. См.: *Коняевская Е.Л.* «Южнорусские» статьи первой половины XIII в. в новгородских летописях // Новгородский исторический сборник. СПб., 2008. Вып. 11(21). С. 108.

⁷⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 470.

⁷⁶ Там же. Т. II. Стб. 786.

⁷⁷ Там же. Стб. 781.

⁷⁸ НПЛ. С. 76.

Ибн-ал-Асир: «Кому же легко поведать (миру) о гибели ислама и мусульман, да кому приятно вспоминать об этом? Может быть, род людской не увидит (ничего) подобного этому событию до преставления света и исчезновения мира, за исключением разве Гога и Магога. Что касается антихриста, то он ведь сжалится над теми, которые последовали за ним, и погубит лишь тех, которые станут сопротивляться ему; эти же (татары) ни над кем не сжалились, а избивали женщин, мужчин, младенцев, распарывали утробы беременных и умерщвляли зародыши»⁷⁹. Следует заметить, что монголы во времена Чингиз-хана и его ближайших преемников были язычниками, огнепоклонниками, а потому в своих завоевательных войнах не считались с моральными нормами ни буддизма, ни христианства, ни ислама, учиняя одинаково жестокие расправы над своими противниками. Характерно описание тем же Ибн-ал-Асиром взятия монголами весной 1220 г. Самарканда: победители «вошли в город, разграбили (всё), что в нём было, сожгли соборную мечеть, оставив остальную часть города в покое, изнасиловали девушек, истязали людей разными мучениями, вымогая деньги, и убили тех, которые не годились для плена»⁸⁰.

Мусульманскому историку вторит армянский очевидец монгольского нашествия: «В году 685 армянского летосчисления (1236) нас постиг страшный Божий гнев, появились с востока дикобразные, жестокие и кровожадные люди... Они были настолько жестоки, что если бы я обладал самым хорошим красноречием, то не смог бы рассказать те страдания и горести, которые они дали испытать полной чашей в Араратской долине, особенно в городе Ани»⁸¹.

Магистр Рогерий, родом из итальянской Апулии, ставший в 1250 г. архиепископом города Сплита, в 1241 г. попал в плен к монголам и сумел сохранить жизнь, только выдавая себя за «презренного и бедного раба». О своём пребывании в плену он вспоминал с глубокой и непреходящей горечью: «И пусть знают все, что не случайно я говорю, что всякому попавшему в руки татар было бы лучше, если бы не был он вовсе рождён — почувствовал бы он себя тогда не татарами, а в Тартаре прикованном. Об этом сужу как сам изведавший. Ибо был я время и половину времени среди них, где вознаграждение обнаруживалось в смерти и как кара была жизнь»⁸².

Иоанн де Плано Карпини, проезжавший в 1246 г. через южные русские земли, записал: монголы «пошли против Руси и произвели великое избиение в земле Руси, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей Руси, и после долгой осады они взяли его и убили жителей города; отсюда, когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мёртвых людей, лежавшие в поле; ибо этот город был большой и очень многолюдный, а теперь он сведён почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они в самом тяжёлом рабстве»⁸³. С описанием Плано Карпини перекликается письмо брата царя Киликийской Армении Гетума I Смбата Спарапета, написанное им в Самарканде в 1247 г. и адресованное королю Кипра Генриху де Лузиньяну: «Я увидел там (на пути к Самарканду. — В.К.) несколько городов, разрушенных татарами, величие и богатство которых неоценимы. Я видел некоторые из них за три дня пути и

⁷⁹ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. I. СПб., 1884. С. 1, 2.

⁸⁰ Там же. С. 11.

⁸¹ Галстян А.Г. Армянские источники о монголах. М., 1962. С. 44.

⁸² Магистр Рогерий. Горестная песнь... С. 17.

⁸³ Иоанн де Плано Карпини. История Монгалов. С. 25.

несколько удивительных гор, состоящих из груды костей тех, кого умертвили татары»⁸⁴.

Фома Сплитский вспоминал, как хан Кадан, преследуя венгерского короля Белу IV, сделал короткую остановку, когда «жестокый истязатель приказал собрать всех пленных, которых он привёл из Венгрии, — великое множество мужчин, женщин, мальчиков и девочек — и распорядился всех их согнать на одну равнину. И когда все они были согнаны, как стадо овец, он, послав палачей, повелел всем им отрубить головы. Тогда раздались страшные крики и рыдания, и, казалось, вся земля содрогнулась от вопля умирающих. Все они остались лежать на этой равнине, как валяются обычно разбросанные по полю снопы»⁸⁵.

Галичский летописец писал вскоре после Батыева погрома: «Данилови же со братомъ пришедшоу ко Берестью, и не возмогоста ити в поле смрада ради и множества избьеных, не бѣ бо на Володимѣрь (Волынском. — В.К.) не осталъ живыи, церкви святой Богородици исполнена троупья, иныя церкви наполнены быша троубья и телесь мертвых»⁸⁶. И у пограничного древнерусского Берестья, и в церквях Владимира Волинского, и на равнинах Венгрии лежали истлевавшие трупы, а в Средней Азии и в полях под Киевом даже спустя несколько лет продолжали белеть кости загубленных завоевателями людей.

Приведённые свидетельства современников войн Чингиз-хана и его ближайших преемников, очевидцев, принадлежавших к разным народам и к разным религиям, в полной мере подтверждают описания русских книжников XIII в., свидетельствующих о беспощадности восточных кочевников и опустошении ими древнерусских княжеств. Даже в героических сказаниях о Чингиз-хане, где воспеваются его доблесть и многочисленные победоносные походы, не скрываются факты его бессмысленной жестокости. Об истреблении Чингиз-ханом враждебного ему монгольского племени татар (казнены были все, кто ростом был выше оси тележного колеса монгольской кибитки) сообщает составленное в 1240 г. при дворе чингизидов «Сокровенное сказание».

Правдивость описания монгольского завоевания Руси ранними русскими нарративными источниками подтверждается не только параллельными свидетельствами иностранных очевидцев событий 1220—1230-х гг., хронистов и путешественников, но и данными археологии. Так, рассказывая об осаде монголами Киева в 1240 г., галичский летописец отметил, что во время штурма города часть спасавшихся горожан вместе со своим имуществом взобралась на Десятинную церковь и «от тягости повалишася с ними стены церковныя». При раскопках Десятинной церкви в Киеве в 1939 г. действительно была обнаружена рухнувшая стена этой церкви, похоронившая под собой взобравшихся на неё людей. Одним из них был ремесленник, взявший с собой самую ценную часть своего имущества — каменные формы для отливки женских украшений⁸⁷.

Какие же заключения можно сделать из приведённых данных? Прежде всего можно говорить о громадных людских потерях, понесённых населением Руси в годы монгольского завоевания. Эти потери ощущались сразу же после того, как монголы прекращали свои боевые действия. В середине 1238 г., пользуясь военной передышкой, в Северо-Восточную Русь из Киева вернул-

⁸⁴ Галстян А.Г. Указ. соч. С. 65.

⁸⁵ Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. С. 118.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 788 и вар. 79.

⁸⁷ Каргер М.К. Древний Киев. М.; Л., 1958. С. 500—503.

ся князь Ярослав Всеволодович, занявший владимирский стол. Уже в начале лета 1239 г. он сумел организовать дальний поход на Каменец, стоявший на восточных рубежах Владимиро-Волынского княжества. Ярослав взял город, «а княгиню Михайлову со множеством полона приведе в своя си». В плен попала Феофания Романовна — жена Михаила Черниговского, занявшего Киев сразу после ухода оттуда Ярослава. Пленением Михайловой жены князь Ярослав намеревался, видимо, воздействовать на её мужа и вернуть себе Киев. Замысел не удался. Но зато удалось другое. Из Каменца на Северо-Восток было переведено «множество полона», что позволило в определённой степени восполнить людские потери в северо-восточных княжествах, понесённые зимой—весной 1238 г. Осенью 1239 г. Ярослав Всеволодович предпринял поход на Смоленск, захваченный литовцами. Смоленск был освобождён, а князь Ярослав «сам со множеством полона с великою честью отиде в своя си»⁸⁸. И в этом случае важным результатом похода стал захват большого числа пленных. Очевидно, что такие действия Ярослава Всеволодовича объясняются стремлением пополнить убыль населения Волго-Окского междуречья, сильно пострадавшего от монголов.

Важным оценочным показателем результатов войн 1237—1240 гг. монголов на Руси является сохранность в позднейшее время древнерусских городов в тех княжествах, что подверглись нападению Батыя. Эти княжества можно условно разделить на две большие территориальные группы. К одной группе могут быть отнесены Рязанское, Муромское княжества и княжества Северо-Восточной Руси, к другой — южнорусские княжества.

Первая группа княжеств в основном была покорена за четыре месяца, с середины декабря 1237 г. по середину марта 1238 г. За это время монголы сумели пройти путь от Воронажа на юге до Игнача креста на севере длиной около 1 тыс. км (по прямой от среднего течения р. Воронеж до района Игнача креста 720 км), захватили самые значительные города Рязанского княжества (Рязань, Пронск, Коломну), новгородский Торжок. Однако наибольший урон был нанесён княжествам Северо-Восточной Руси. Древнейшие летописи свидетельствуют о захвате монголами Москвы, Суздаля, Владимира, Ростова, Ярославля, Городца на Волге, Галича Мерского, Переяславля-Залесского, Юрьева, Дмитрова, Волока Ламского, Твери — всего 12 городов. Лаврентьевская летопись увеличивает это число до 14, взятых монголами только в феврале 1238 г.⁸⁹, но при этом конкретных городов не называет. Сведения Лаврентьевской летописи, по-видимому, верны. К 12 поименованным городам надо прибавить Мстиславль и Петров, в послемонгольское время как города уже не упоминаемые, но относившиеся к территориям Юрьева и Суздаля, пострадавшим от нашествия в феврале 1238 г. Ещё одно нападение на восточные и северо-восточные русские земли было совершено монголами накануне зимы 1239 г., видимо, обеспокоенными предпринятыми в том же году походами Ярослава Всеволодовича на Кременец и Смоленск. На сей раз монголы пожгли Муром, главный город одноименного княжества, и Гороховец, город Владимирского княжества. Кроме того, монголы воевали по р. Клязьме, а это заставляет подозревать, что пострадал не только Гороховец, но и расположенные на Клязьме выше него Ярополч и Стародуб. В целом же в 1237—1239 гг. в первой группе княжеств в Муромском княжестве пострадал его единственный город, из 12 городов Рязанского княжества пострадали три (25%), из 30(31) городов северо-восточ-

⁸⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 469.

⁸⁹ Там же. Стб. 464.

ных княжеств — 15 (около половины) или 17 (считая Ярополч и Стародуб) (57% или 54,8%).

Территории древних южнорусских княжеств подвергались военным нападениям войск Батыя с марта—апреля 1238 г. по конец 1240 г., т.е. в течение 33 месяцев. Первым из южнорусских городов пал Козельск, город Черниговского княжества. В 1239 г. весной монголы взяли Переяславль, столицу Переяславского княжества. О захвате ими других городов этого княжества источники ничего не говорят, но ясно, что захваты были. К Переяславлю просто невозможно было подойти ни с юга, минуя такие города-крепости, как Воинь и Малотин, ни с юго-востока, где путь кочевникам преграждала цепь укреплений по правому берегу р. Сулы. Чтобы выйти на Переяславль, предварительно надо было все эти города завоевать.

Те же источники говорят о захвате монголами в 1239 г. столицы Черниговского княжества Чернигова и, весьма вероятно, Глухова. В 1240 г. монголы взяли столичные Киев, Владимир Волынский и Галич. Кроме того, в Киевском княжестве они взяли город Колодяжен, во Владимиро-Волынском княжестве — Каменец и Изяславль. О захвате Батыем в Галичском княжестве городов помимо Галича источники молчат. В итоге получается, что за 2 года и 9 месяцев монголы на юге Руси сумели взять в общей сложности десять городов. Если припомнить, что к 1237 г. в южнорусских княжествах насчитывалось 256 городов, то потеря десяти городов, захваченных монголами, составит всего 3,9% от общего числа древнерусских городов на юге Руси. В процентном отношении это в 6—12 раз меньше, чем было взято и разрушено городов в Рязанском княжестве и княжествах Северо-Восточной Руси. Между тем та же Ипатьевская летопись, содержащая основную информацию о том, какие именно южнорусские города были взяты монголами, после известия о падении Галича сообщает, что завоевателями были захвачены «иныи грады многы, имже нѣсть числа»⁹⁰. Делается очевидным, что более чем скромное число городов в южнорусских княжествах, повоёванных монголами, отражает не реальную ситуацию, а плачевное состояние источников, сохранивших крупный свод сведений о действиях монголов в Черниговском, Переяславском, Киевском, Владимиро-Волынском, Галичском, Туровском и Пинском княжествах на протяжении 1238—1240 гг.

Чтобы иметь действительное представление о масштабах разгрома южных княжеств Древней Руси монголами, необходимо привлечь данные более позднего времени, отразивших численность городов на территориях, занятых в домонгольское время названными выше семью южнорусскими княжествами. Источники, где перечисляются города на достаточно больших географических пространствах, в послемонгольское время единичны. Они появляются только в XV в. Тем не менее их приходится использовать для воссоздания процессов упадка или даже полного уничтожения старых русских городов.

Один из таких источников недавно переиздал С.В. Полехов. Речь идёт о памятнике под названием «Имена городов, замков и поветов, которыми владеет Свидригайло». Список был составлен между 3 сентября и 1 октября 1432 г. в Полоцке⁹¹. Это перечень городов, которые один из претендентов на литовский престол князь Свидригайло Ольгердович объявлял принадлежащими ему. Перечень был предназначен для великого магистра Тевтонского ордена Пауля

⁹⁰ Там же. Т. II. Стб. 786.

⁹¹ Полехов С.В. «Список городов Свидригайло». Датировка и публикация // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4(58). С. 111—125.

фон Русдорфа, чтобы убедить его в серьёзных возможностях Свидригайло и побудить к оказанию помощи претенденту на власть в Литве.

Перечень включает в себя 84 наименования городов Литовского государства. Характер и назначение документа таковы, что снимают подозрения в подборе подобных наименований не из существовавшей реальности, а из разного рода и разного времени письменных материалов. Впрочем, свидетельства документа нельзя принимать и за абсолютно достоверные. Не следует, в частности, доверять тому, что всеми перечисленными в перечне городами владел именно Свидригайло. Так, указанные в «Именах городов, замков и поветов» Ржева и другая Ржева в 1432 г. не только не принадлежали Свидригайло, но вообще не были подвластны Литве. Первая Ржева (на р. Лъсте) была владением Новгорода, другая (на р. Волге) — владением Москвы⁹². Однако самым важным является то, что указанные города существовали в 1432 г. реально.

Из 84 указанных в Списке пунктов 29 имели домонгольские корни. Это Киев, замок со многими дистриктами (поветами, волостями); Чернигов с немалым числом дистриктов; Смольнеск, Видебеск, Полтеск, Брянск, Мценск, Берестье, Рылеск, Стародуб, Трубческ, Гомей, Бырлад⁹³, Чичереск, Путивль, Новгородок Северский, Куреск со многими дистриктами, Донеск со многими дистриктами, Мстиславль, Рша, Друтеск, Лукомля, Борисов, Браслов, Звенигород, Торопец, Жижец, Великие Луки, другая Ржева. Указаны самые значимые к 1432 г. старинные города, менее значимые могли скрываться в безымянных дистриктах Списка.

К каким же древнерусским княжествам относились в своё время эти старинные города? В состав Киевского княжества входил Киев. Черниговскому княжеству принадлежали Чернигов, Брянск, Гомий (Гомель), Куреск со многими дистриктами, Мценск, Новгородок Северский, Путивль, Рылеск, Стародуб, Трубческ, Чичереск. К южному Переяславскому княжеству относился Донеск со многими дистриктами. Владимиро-Волынскому княжеству принадлежало Берестье. В состав Галицкого княжества входили Бырлад и Звенигород. Видебеск (Витебск) был столицей Витебского княжества. Полтеск (Полоцк), Борисов, Браслов, Друтеск, Лукомль были городами Полоцкого княжества. К Смоленскому княжеству относились Смольнеск (Смоленск), Мстиславль, Рша (Орша), Торопец, Жижец, другая Ржева. Новгородской республике принадлежали Великие Луки.

Таким образом, из 81 города Киевского княжества, существовавших к 1237 г., составленный без малого через 200 лет после завоевания этого княжества монголами литовский источник называл всего один город — сам Киев (1,2%). Из 61 города домонгольского времени Черниговского княжества Список Свидригайло фиксирует только 11 городов (18%), причём семь из них в домонгольское время были стольными княжескими городами. Из остальных 50 черниговских городов, не имевших статуса княжеских резиденций, в Список 1432 г. попало только четыре города (Брянск, Гомий, Мценск, Чичереск — 8%). Из 56 городов домонгольского времени Владимиро-Волынского княжества в Список Свидригайло 1432 г. был включён единственный город — Берестье (1,8%). Тот

⁹² Янин В.Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII—XV вв. М., 1998. С. 87—88; Кучкин В.А. К изучению процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и её волости в XIV—XV вв.) // История СССР. 1984. № 6. С. 157.

⁹³ Так следует переводить читающееся в Списке название «Birlaa», где последняя буква а по написанию близка букве «d».

же Список из 33 домонгольских галичских городов называет лишь два — Звенигород и Берладь (6%). Из 25 домонгольских городов южного Переяславского княжества в Список Свидригайло попадает только окраинный Донецк (4%). Всего из 256 городов пяти перечисленных южных древнерусских княжеств домонгольского времени «Имена городов, замков и поветов, которыми владеет Свидригайло» 1432 г. фиксируют лишь 16 городов. Это 6,25% от числа городов, существовавших в названных княжествах к 1237 г.

Список 1432 г. «Имена городов, замков и поветов, которыми владеет Свидригайло» называет города и в некоторых бывших домонгольских «верхних» княжествах. Это Витебск — единственный город в Витебском княжестве (100%), пять городов из 17 в Полоцком княжестве (29,4%) и шесть городов из 21 в Смоленском княжестве (28,6%). Всего из 39 древних городов этих трёх княжеств в Список Свидригайло попало 12 городов, или 30,7% существовавших в домонгольское время в указанном регионе городов. Последняя цифра почти в пять раз превышает показатель, относящийся к городам южнорусских княжеств (6,25%). Очевидно, что в «верхних» княжествах древних домонгольских городов в процентном отношении сохранилось значительно больше, чем на территориях бывших южнорусских княжеств.

Приведённые сопоставления свидетельствуют о том, что за период с 1237 по 1432 г. в южнорусских землях исчезло намного больше городов, чем в регионе от верховьев рек Москвы и Протвы до верхнего течения Западной Двины и Днепра или в бассейне р. Полоты. Такое исчезновение нельзя не связать с монгольским завоеванием в 1237—1240 гг.

Существует и другой источник, позволяющий произвести более масштабные сравнения данных о древнерусских городах первой трети XIII в. с показателями позднейшего времени. Такие сопоставления выявляют тенденции сохранения и развития древнерусских городов в большем числе областей домонгольской Руси, подпавших в 1242 г. под власть иноземцев. Упомянутые выше позднейшие сведения извлекаются из известного Списка «А се имена градом всѣм руским далним и ближним». В настоящее время уточнена датировка этого Списка (вторая половина декабря 1448 — весна 1449 г.), место и цель создания (Киев; разделение церковных приходов между Киевом и Москвой)⁹⁴. В Список включено как минимум 356 городов (названия шести из них повторены дважды).

При составлении Список был поделён на разделы. Они имеют следующие заголовки: «А се Болгарский и Волоский гради», «А се польский», т.е. подольские, «А се Киевский гроди», «А се Волыньский», «А се Литовьский», «А се Смоленский», «А се Рязаньский», «А се залъский». Эти указания на географию «городов русских дальних и ближних» облегчают их локализацию, а если в Списке одно название имеют два города или более, позволяют установить, о каком именно городе идёт речь в источнике.

Для сравнения с городами домонгольской Руси из Списка «А се имена градом всѣм руским далним и ближним» необходимо выделить те, которые имели такие же названия, что и древнерусские города первой трети XIII в. Их нужно распределить по древнерусским княжествам, существовавшим к 1237 г. В круглых скобках после каждого названия отмечается, к какому разделу городов в Списке отнесено такое название.

⁹⁴ Кучкин В.А. Датировка Списка «А се имена градом всѣм руским далним и ближним» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3(61). С. 70—72.

Витебское княжество — Видбескъ (литов.). Здесь наблюдается полная согласованность между показаниями источников домонгольского времени о наличии в Витебском княжестве единственного города — столицы Витебска и указанием на Витебск в Списке в разделе «А се Литовьскыи».

Владими́ро-Во́лыньское княжество — Белзь (волын.), Берестии (волын.), Божескъ (литов.), Володимерь (волын.), Во́лынь (волын.), Городно (литов.), Дорогобучь (волын.), Коречь (киев.), Кременецъ (волын.), Луческъ (волын.), Любно (волын.), Остро (волын.), Перемиль (волын.), Сутъскъ (литов.), Холмъ (волын.), Черлень (польск.), Черторыескъ (волын.), Шюмескъ (литов.), Шумьскыи (залесск.). Как следует из представленного перечня, к числу домонгольских владими́ро-во́лыньских городов в большинстве случаев относились те города Списка, что были перечислены в разделе «А се Во́лыньскыи» (13 из 18). Среди них три даны не совсем традиционно. Дорогобучь — это Дорогобуж, Остро — это Острог, а Черлень — это Червен. Принимая во внимание то, что некоторые города по южному рубежу домонгольского Владимиро-Во́лыньского княжества названы литовскими (Сутъскъ, Шюмескъ), литовский Божескъ может быть отождествлен с Бужеском на р. Западный Буг, а не с Божеском на р. Южный Буг. Коречь отождествляется с Кореческом (Корьчъском). Он располагался на самой границе Владимиро-Во́лыньского княжества с Киевским⁹⁵. В Списке «А се имена градом всѣм рускым далним и ближним» он мог быть отнесен к киевским потому, что в послемонгольское время был присоединён к Киеву. Шюмескъ и Шумьскыи — два названия одного города Шумеска. Таким образом, Список позволяет отнести к древнему Владимиро-Во́лыньскому княжеству 18 городов — 32% от количества городов (56) в этом княжестве, фиксируемых источниками XI — первой трети XIII в.

Владими́рское (Владими́ра-на-Клязьме) княжество — Боголюбое (залесск.), Володимерь (залесск.), Галичь (залесск.), Городецъ (залесск.), Гороховецъ (залесск.), Кострома (залесск.), Москва (залесск.), Новгород Нижний (залесск.), Стародубъ-на-Клязьме (залесск.), Суждаль (залесск.), Унжа (залесск.), Юрьевеч (залесск.), Ярополчъ (залесск.). Относительно городов этого княжества следует сделать два замечания. Во-первых, все города княжества отнесены к числу «залесских», что исторически и географически верно. Во-вторых, хотя Владими́рское княжество пострадало не только от Батые, но и от последующих походов на него ордынских ханов, по данным Списка «А се имена градом всѣм рускым далним и ближним» оно сохранило в своём составе почти все домонгольские города — всего 13. Считая в составе домонгольских городов княжества Юрьевец, получаем, что во Владими́рском регионе к моменту составления Списка сохранилось более 81% древних городов.

Галичское княжество — Бакота (польск.), Галичь (волын.), Звенигород (польск.), Микулинь (литов.), Перемышль (волын.), Теребовль (волын.). К Галичскому княжеству может быть отнесено всего шесть городов из числа названных в Списке. Обоснования требует включение в их состав Микулина. В домонгольской Руси было два Микулина. Один город с таким названием находился в Галичском княжестве, другой — в Киевском. Поскольку Микулин в Списке отнесен к числу литовских, а не киевских городов, надо полагать, что в виду имелся Микулин в Галиче. Сопоставляя шесть городов в Галиче по Списку с 33 городами в Галичском княжестве к 1237 г., выясняем, что в XV в. сохранилось всего 18% древних галичских городов.

⁹⁵ Етимологічний словник літописних географічних назв південної Русі. Київ, 1985. С. 72.

Киевское княжество — Бѣльгород (киев.), Василевъ (киев.), Вручии (киев.), Дверень (киев.), Иванъ (волын.), Каневъ (киев.), Киевъ (киев.), Клѣческъ (литов.), Корсунъ (киев.), Мозырь (киев.), Олешескъ (литов.), Пересѣчень (киев.), Рѣчица (киев.), Рогачевъ (киев.), Родно (литов.), Ростовець (киев.), Случескъ (литов.), Треполь (киев.), Унеятинъ (киев.), Чернобыль (киев.), Юрьев (киев.). В составленном на основании Списка перечне городов Киевского княжества первой трети XIII в. подавляющее большинство — 16 городов — и в самом Списке отнесено к киевским. Из них один город внесён в перечень с явно искажённым названием — Унеятин вместо Неятин. Ещё один отнесён к волинским — Иванъ. На Волыни такой город неизвестен. В домонгольской Руси с подобным названием — Иван — существовал только один город (в бассейне р. Стугны), и он относился к числу киевских. Поэтому Иванъ Списка можно отождествить с древним Иваном. Два древних киевских города Клѣческъ и Случескъ отнесены в Списке к литовским. Для времени создания Списка такое определение, видимо, правильно, поскольку оба названных города граничили с Полоцким княжеством, ставшим литовским ещё в конце XII — начале XIII в. Владея Полоцком, можно было легко подчинить себе и Клеческ со Случском. Ещё два города Списка из числа литовских также должны быть отнесены к древнекиевским. Это Олешескъ, который по названию может быть сопоставим только с древнерусским Олешьем, и Родно, сопоставимое с древнерусской Родней. Вполне допустимо, что ко времени составления Списка оба последних города уже не существовали. Их названия могли быть заимствованы составителями Списка из письменных источников, скорее всего из летописей. Тем не менее и Олешескъ, и Родно принимаем за действующие и считаем их вместе с остальными киевскими городами. Всего в Списке их оказалось 21. Если к концу 1230-х гг. в Киевском княжестве насчитывался 81 город, то создатели Списка смогли назвать лишь 26% из них.

Муромское княжество — Муромъ (залесск.). Единственный город домонгольского Муромского княжества — его столица Муром — восстановился после сожжения Батыем в 1239 г.

Новгородская республика — Бѣжицкыи Вѣрхъ (залесск.), Вологда (залесск.), Волокъ Ламьскыи (залесск.), Изборско (залесск.), Изборескъ (литов.), Копорья (залесск.), Ладога (залесск.), Луки (залесск.), Луки (литов.), Морева (залесск.), Морева (литов.), Новгород (залесск.), Псковъ (залесск.), Торжокъ (залесск.). Все города Списка, которые можно отнести к Новгородской республике первой трети XIII в., в самом Списке отнесены к числу «залесских». Такой фиксации до появления Списка не было, новгородские города никогда не назывались «залесскими». Три порубежных новгородских города — Изборск, Луки (Великие) и Морева — упоминаются в разных разделах Списка, и среди «залесских», и среди «литовских». В перечень включены все их упоминания в разных разделах, но в подсчётах учитываются только три города. Всего в Списке упоминается 11 древнейших городов Новгородской республики. Это составляет 73,3% всех её городов, существовавших в канун Батыева нашествия.

Переяславское (Переяславля-Залесского) княжество — Дмитровъ (залесск.), Клѣщинъ (залесск.), Переяславль (залесск.). Сознательный пропуск в Списке перечня городов Тверского княжества, вобравшего в себя некоторые древние переяславские города, осложняет вопрос о том, сколько городов Переяславского княжества XIII в. сохранилось ко времени составления Списка. Поскольку о Зубцове, Кснятине и Нерехте говорит целый ряд источников

XIII—XV вв., можно считать, что эти три города уцелели или восстановились после нашествия Батыя. В таком случае общее число сохранившихся древних переяславских городов будет равняться шести. Это около 66,7% от числа городов, существовавших к началу XIII в.

Переяславское (Переяславля Южного) княжество — Острѣчьскый на Деснѣ (киев.), Переяславль Русскый (киев.), Ромень (киев.). Список содержит названия лишь трёх городов, существовавших в южном Переяславском княжестве в конце 1230-х гг. Это составляет всего 12% от общего числа городов (25), бывших к тому времени в княжестве.

Пинское княжество — Пинескъ (волын.). В Списке вместо двух городов 1237 г. указан только один — столица княжества Пинск. Упомянуто, следовательно, 50% домонгольских городов.

Полоцкое княжество — Борисовъ (литов.), Вьсвято (литов.), Голотическъ (литов.), Дрютескъ (литов.), Логоско (литов.), Лукомль (литов.), Мѣнескъ (литов.), Несвѣжьскый (залесск.), Полтескъ (литов.). Подавляющее большинство городов Списка, которые могут быть сопоставлены с домонгольскими городами Полоцкого княжества, отнесены в Списке к числу литовских. Названный в числе последних Логоско по созвучию может быть отождествлен только с древним Логожеском в Полоцком княжестве. В целом оказывается, что Список фиксирует девять древних полоцких городов, существовавших к 1237 г. (53% от их общего числа).

Ростовское княжество — Белоозеро (залесск.), Ростовъ (залесск.), Устьюгъ (залесск.). В Списке названы все три города Ростовского княжества, существовавшие в первой трети XIII в.

Рязанское княжество — Глѣбовъ (рязан.), Коломно-на-Оцѣ (залесск.), Переяславль-на-Трубежѣ (рязан.), Пронескъ (рязан.), Ростиславль (рязан.), Рязань Старая (рязан.). Из 12 зафиксированных источниками к концу 1230-х гг. городов Рязанского княжества в Списке названо шесть, причём название города Борисова-Глебова передано его второй частью — Глѣбовъ. Очевидно, что составители Списка знали только о 50% городов, существовавших в Рязанском княжестве до нашествия Батыя.

Смоленское княжество — Дорогобужъ (смолен.), Елно (смолен.), Зижеч (литов.), Ижеславль (литов.), Кричевъ (литов.), Лучинь (киев.), Мстиславъ-на-Вехрѣ (смолен.), Орша (литов.), Ржова (залесск.), Смолнескъ (смолен.), Торопецъ (литов.). Составить по Списку перечень древних городов, существовавших в Смоленском княжестве до монгольского нашествия, оказывается делом непростым. Сами составители Списка из 21 домонгольского смоленского города привели названия только четырёх, которые они считали смоленскими. Ещё одна группа городов: Зижеч, отождествляемый с Жижичем, Кричев, Орша, Ржова и Торопец, идентифицируется с ранними смоленскими городами по своим названиям, хотя в Списке они указываются как литовские (Ржова — как залесская). Лучин как киевский город М.Н. Тихомиров помещал на Днестре в 7—8 верстах к югу от киевского же Рогачёва, рядом с которым Лучин назван и в Списке⁹⁶. Однако в домонгольской Руси был известен единственный Лучин, и этот Лучин считался смоленским городом. Место Лучина, определённое Тихомировым, было пунктом схождения границ Киевского, Черниговского и Смоленского княжеств. На этом основании киевский Лучин Списка мож-

⁹⁶ Тихомиров М.Н. «Список русских городов дальних и ближних» // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 107.

но отождествить со смоленским Лучином XII в. Ещё сложнее отождествить с древнерусским городом названный в Списке Ижеславль. Такого названия среди древнерусских городов нет. Скорее всего, речь должна идти о Изяславле. Изяславлей же в домонгольской Руси было четыре: во Владимиро-Волынском, Полоцком, Рязанском и Смоленском княжествах. Поскольку в Списке до Ижеславля назван Мценск, а после Ижеславля Торопец, ясно, что в данном месте Списка речь о владимири-волинских, полоцких или рязанских землях не идёт. Остаётся только Смоленское княжество, к которому, кстати говоря, относился и Торопец. Поэтому Ижеславль Списка идентифицируется с Изяславлем смоленским. Всего, таким образом, выявляется 11 древних смоленских городов, названных в Списке. Это 52% городов Смоленского княжества домонгольского времени.

Туровское княжество — Туров (киев.). Из двух городов Туровского княжества в Списке назван только один — столичный Туров. Список, таким образом, сохранил сведения о 50% домонгольских городов в этом княжестве.

Черниговское княжество — Брынескъ (волын.), Брянескъ (киев.), Воротынескъ (литов.), Гомии (киев.), Девягорескъ (литов.), Карачевъ (литов.), Козелескъ (литов.), Козелескъ (смолен.), Курескъ на Тускоръ (киев.), Любечъ (киев.), Масалескъ (литов.), Мченескъ (литов.), Неринескъ (рязан.), Новгород Съверьскый (киев.), Путивль (киев.), Рылескъ (киев.), Серенескъ (волын.), Сновескъ (киев.), Тмutorокань (киев.), Трубоческъ (киев.), Хороборъ (волын.), Черниговъ (киев.), Чечерескъ (киев.). В Списке древние черниговские города оказываются разделёнными между пятью разными частями памятника. Наибольшее их число указано в разделе «А се Киевьскыи гроды» — 12, в разделе «А се Литовьскыи» — шесть, «А се Волыньскыи» — три, один попал в число смоленских городов и один в число рязанских. При этом литовский Козелескъ включён ещё и в число смоленских. Всего же 23 названиями в Списке обозначены 22 древних черниговских города. При этом бросается в глаза то обстоятельство, что три из них (Брынескъ, Серенескъ и Хороборъ) отнесены к числу волинских, хотя в действительности от Волыни они находились очень далеко. Брынескъ стоял на р. Брынь, правом притоке Жиздры, Серенескъ — на р. Серене, притоке Оки, Хороборъ — на р. Хороборе, правом притоке Десны, примерно в 75 км к востоку от Чернигова⁹⁷. Противоречие между истинным местоположением названных городов и включением их составителями Списка в состав Волынской земли может объясняться лишь тем, что составители XV в. ничего конкретного о Брынеске, Серенеске и Хороборе не знали, эти города во времена создания Списка уже не существовали. Составители почерпнули три названия из каких-то старых источников, а сами города поместили там, где им казалось правильным, но в действительности это оказалось ошибкой. Поэтому из 22 городов составленного перечня скорее всего следует вычесть четыре, чтобы точнее определить число сохранившихся до времени составления Списка древних черниговских городов. Тогда их останется 18, или 30% от числа черниговских городов первой трети XIII в.

Юрьевское княжество — Юрьевъ Польскый (залесск.), Мстиславль (залесск.). Список сохранил упоминания всех городов Юрьевского княжества.

Ярославское княжество — Молога (залесск.), Ярославль (залесск.). И в данном случае в Списке упомянуты все города домонгольского времени.

⁹⁷ Зайцев А.К. Черниговское княжество X—XIII вв. Избранные труды. М., 2009. С. 138, 166, 172—173, карта между С. 130 и 131.

Из приведённых характеристик 17 княжеств⁹⁸ и одной республики домонгольской Руси делается очевидным, что их можно поделить на две группы. К одной должны быть отнесены семь княжеств, имевших в своём составе к 1237 г. от одного до трёх городов. Это Туровское, Пинское, Витебское и Муромское княжества, по данным Списка имевшие по одному городу (Углич — в 1237 г. единственный город Угличского княжества — в Списке не упомянут), Юрьевское — два города, Ростовское и Ярославское княжества, имевшие по три города. В сравнении с данными 1237 г. все перечисленные княжества, за исключением первых двух, ко времени составления Списка полностью сохранили свои города. Лишь Туровское и Пинское княжества потеряли по одному городу. Потери составили 50% городов, известных в этих княжествах в первой трети XIII в. Однако в данном случае цифры, характеризующие размеры потерь, не представляются существенными. Но примечательно, что потери коснулись только княжеств, которые ещё в начале второй половины XII в. являлись частью южного Киевского княжества.

Вторая группа княжеств является более многочисленной, и городов в них по Списку насчитывается во много раз больше, чем в княжествах первой группы. Здесь соотношение числа городов, существовавших в каждом из княжеств в домонгольское время, с числом городов, зафиксированных в Списке, оказывается значительно более сложным, но вместе с тем и более показательным. Из группы выделяются два княжества и одна республика, где процент сохранившихся в XV в. старинных городов следует признать высоким. Это Владимирское (Владимира-на-Клязьме) — 81%, Новгородская республика — 73,3% и Переяславское (Переяславля-Залесского) княжество — 66,7%. Три княжества имеют показатель около 50%: Полоцкое — 53%, Смоленское — 52%, Рязанское — 50%. Ниже показатели ещё трёх княжеств: Владимиро-Волынского — 32%, Черниговское — 30%, Киевское — 29,6%. Самые низкие показатели имеют Галицкое — 18% и Переяславское (Переяславля Русского) — 12% княжества. Выясняется, что, согласно Списку, менее всего в процентном отношении сохранилось домонгольских городов в пяти последних княжествах. Характерно, что все эти княжества — южные и все они подверглись нападению Батыя. Монголы нападали также на Рязанское, Владимирское (Владимира-на-Клязьме) и Переяславское (Переяславля-Залесского) княжества, но, судя по всем полученным данным, разрушений там произвели меньше, чем на древнерусском Юге. Последний пострадал особенно сильно.

Такое заключение в своей основе совпадает с выводом, сделанным при изучении Списка 1432 г. «Имена городов, замков и поветов, которыми владеет Свидригайло», о меньшей сохранности древнерусских городов во Владимиро-Волынском, Галицком, Киевском, Переяславском (Переяславля Южного) и Черниговском княжествах по сравнению с Витебским, Полоцким и Смоленским княжествами. Следовательно, фиксация такой диспропорции не может списываться на субъективную ошибку исследователей, порождённую недостаточной информативностью использованных ими источников, она указывает на объективную реальность, возникшую в результате монгольского завоевания, последствия которого сказывались даже в XV в. Более богатый и подробный материал Списка «А се имена градом всѣм руским далним и ближним» в сравнении со Списком 1432 г. князя Свидригайло позволяет сделать и ряд заключений более частного характера. Так, самый низкий процент сохранившихся

⁹⁸ В Списке не упомянут Углич, столица одноимённого княжества, образованного в 1217 г.

древних городов в южном Переяславском княжестве объясняет причину прекращения существования этого княжества после нашествия монголов. А картографирование домонгольских городов Черниговщины, упомянутых в Списке, показывает, что в этом памятнике чаще упоминаются города восточной части прежнего Черниговского княжества⁹⁹, и это согласуется с летописными свидетельствами о походе войск Батые в конце 1239 г. после взятия Чернигова только до Глухова и известиями второй половины XIII в. более поздних летописей о существовании на днепровском левобережье русских княжеств (Курского, Рылеского и др.). Очевидно, что часть Черниговского княжества, прилегавшая к Днепру, где, по выражению летописца, была сосредоточена «вся жизнь» черниговцев¹⁰⁰, пострадала от нашествия больше, чем его восточная часть.

Таким образом, в общие представления о ходе монгольского завоевания Руси в 1237—1240 гг. и о его непосредственных последствиях должны быть внесены существенные коррективы. Основной ущерб монголы нанесли не Рязанскому и Муромскому княжествам, не владениям потомков Всеволода Большое Гнездо — княжествам Владимирскому, Переяславскому, Юрьевскому, Ростовскому, Ярославскому, Угличскому, и, конечно, не Новгороду, потерявшему Торжок, а княжествам Днепровского и Днестровского бассейнов: Киевскому, Черниговскому, Владимиро-Волинскому, Галицкому, Переяславскому, Туровскому и Пинскому. Это был тот регион, который ещё С.М. Соловьёв называл «главною сценою действия в начальной нашей истории: области древних княжеств Киевского, Волинского, Переяславского и собственно Черниговского»¹⁰¹. К концу 1240 г. эта «главная сцена» лежала в руинах. Русская государственность была потрясена до основания, и история Руси потекла по иному руслу. Опустошение монголами южнорусских княжеств, которое они, как теперь выясняется, производили в течение почти трёх лет (для сравнения: завоевание Батые Венгерского королевства и его разграбление продолжалось 15 месяцев), привело к тому, что исчезли источники по истории этих княжеств. Поэтому для характеристики того, что принесло Руси монгольское завоевание, приходится опираться на данные, относящиеся к истории преимущественно Северо-Восточной Руси.

⁹⁹ Из 22 городов, существовавших к 1237 г. в Черниговском княжестве и названных в Списке, только шесть (Гомий, Любечь, Сновескъ, Хороборъ, Черниговъ и Чечерескъ) могут быть отнесены к западным городам этого княжества. Остальные 16 — к восточным.

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 361.

¹⁰¹ Соловьёв С.М. Сочинения. Кн. I. М., 1988. С. 66.